

ЗАРЯ ЗАПАДА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

АПРЕЛЬ. АПРЕЛЬ.

1919 Изд. Мин. С. Р. и К. Деп. № 2.

ПОЕЗД имени тов. ЛЕНИНА на ст. МИНСК (Либ.-Ром.)

МИНСК

№ 2.

ЗАРЯ ЗАПАДА

Цена 2 р.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Петропавловская ул. № 30 (д. быв Дворянск. Собрания).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 1 м.—4 р., 2 м—8 р., 3 м.—12 р. с доставкой и пересылкой.

АДРЕС КОНТОРЫ: Губагентство Центропечати. Уг. Губернат. и Подгорн., д. Свенцицкого

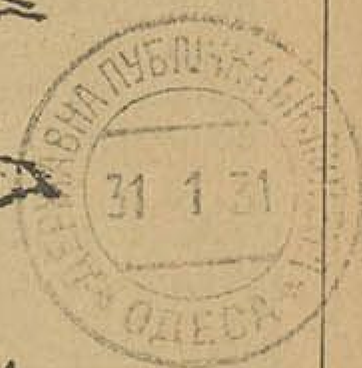
1919 г. г. МИНСК. **1 Апреля.**

КОРОЛЬ КАПИТАЛ.

(Повесть).

(Продолжение).

II.

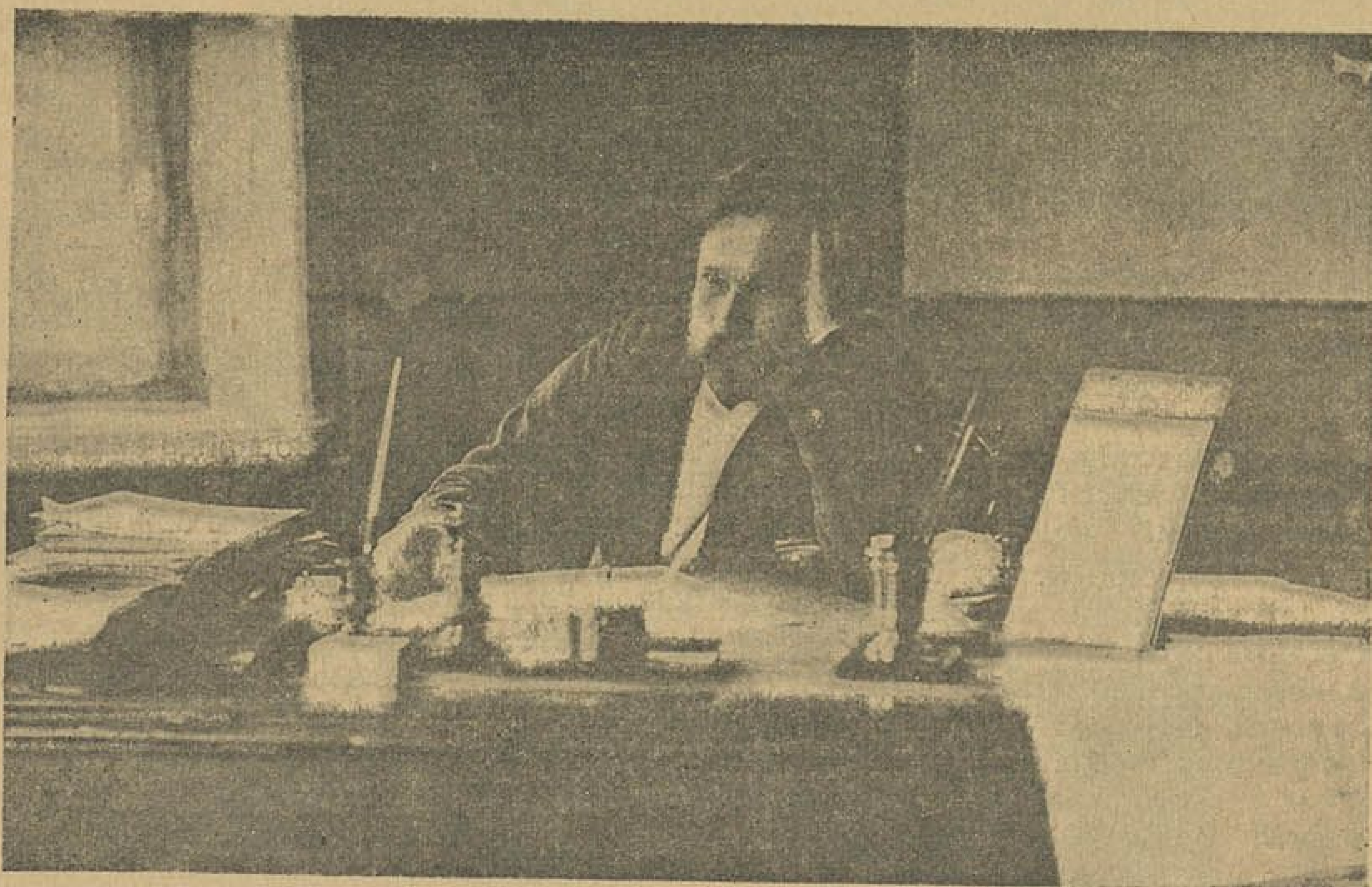
— Ваше величество, в России Революция...—доложил королю Капиталу его первый министр.

Король, сидевший у массивного письменного стола слегка вздрогнул.

— Аа... это новость...—произнес он после паузы, поворачивая голову в сторону неожиданно появившегося министра, который всеми силами старался скрыть свое волнение.—И давно уже она там?—спросил король, снова выдержав паузу.

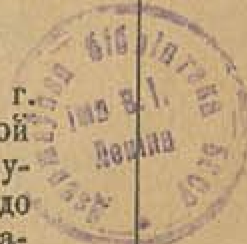
— Недели две, ваше величество...—тихо ответил министр, опуская голову точно в ожидании удара

— Две недели?! Почему же раньше мне не было доложено об этом?—сурово спросил король, подымаясь со своего кресла.

Старый коммунист. тов С. В. Иванов.

Вступил во фракцию большевиков (Р. С. Д. Р. П) в 1904 г. Первый раз был арестован в Кронштадтской минной роте; в 1906 г. Отбыл тюремное заключение и был выслан в Архангельскую губернию, откуда бежал в Петербург, а затем в Либаву для подпольной работы. 5 мая 1917 г. был арестован в Либавском порту и приговором временного военного суда в Риге от 4 апреля 1908 г. осужден по II ч. 102 ст., получил высшую меру наказания: 15 лет каторжных работ. Просидел в Смоленской каторжной тюрьме до 3 марта 1917 г. После освобождения занялся политической деятельностью; от Смоленской губ. был избран в Учредительное Собрание; принимал участие в Октябрьском перевороте в Петербурге; на 6-ом с'езде советов был избран в Ц. И. К. и назначен заведующим Крестьянской секцией, но скоро был откомандирован в Смоленск, где занял пост председателя Облискомзапа; последние месяцы тов. С. В. Иванов занимал пост комиссара внутренних дел Белорусской Советской республики, а ныне опять работает в Смоленске.

— Несколько секунд министр молчал.

— Мы не хотели тревожить вас, ваше величество...—постарался он оправдаться.

Короля не удовлетворил этот ответ.

— Вздор! Я должен всегда все знать!—почти крикнул он, пройдясь по кабинету, а затем, окинув министра испытующим взглядом, спросил:

— Доложи мне обо всем, не скрывая. Что с императором? Как чувствуют себя мои российские капиталисты? Каковы шансы этой проклятой Революции?

Тихим голосом начал министр свой доклад.

— Император низложен и арестован, ваше величество, но господа капиталисты чувствуют себя пока хорошо. Революция, правда, всегда имеет успех, толпа везде ее приветствует, но шансы Революции, по всем данным, слабы...

— Что значит: „Капиталисты пока чувствуют себя хорошо“ и „Революция, правда, всюду имеет успех, но“ и т. д.—перебил министра король.—Я требую точного доклада,—пояснил он.

Президиум 1-го Всебелорусского С'езда Советов в Минске (2-го февр. 1919 г.) На председательском месте тов Мясников, слева от него—почетн председат с'езда тов. Я. М. Свердлов. На третьем месте справа от Мясникова—председат. Правит. Литовск., (ныне Литовско-Белорусск.) Совет. Республики тов. Мицкевич-Капсукас. С'езд заседал в Городск. театре.

Министр несколько смутился и продолжал тем-же неуверенным тоном.

— Ваше величество, еще нельзя предсказать во что выльются действия этой зловредной Революции Господа капиталисты принимают все меры к тому, чтобы не выпустить власть из своих рук... Теперь это им удается, они еще у рычага правления, но если Революция увлечет за собой толпу на путь социальных переворотов, тогда, конечно...

— Что „тогда“?! Вот я и хочу знать что будет „тогда“?!—резко проговорил король.

— Нужны будут чрезвычайные меры...—робко вставил министр.

Король, как будто, не слышал этой фразы.

Тяжелой поступью он шагал по своему кабинету Минуты через три он остановился и начал говорить министру:

— Разумеется, я отлично понимаю, что низложение и арест русского императора—не есть еще удар для моих капиталистов. В республиках капиталисты—многих стран—чувствуют себя еще лучше и я даже удивлен, что российские капиталисты до сих пор не установили у себя республиканского образа правления. Давно нужно было бросить подачку массам, опьянить их эфемерными, в сущности—дешево стоющими свободами, но, как вполне резонно заметил ты, если Революция не удовлетворится политическими реформами, если она станет на путь социальных переворотов, то, конечно...

— Нужны будут чрезвычайные меры,—снова вставил министр.

— Я уже это слышал. Об этих мерах я хочу лично поговорить с российскими капиталистами. Слышишь?! Устрой так, чтобы в самом недалеком будущем виднейшие из этих капиталистов были у меня во дворце. Вместе с тем—ты и все другие министры должны думать о тех чрезвычайных мерах, которые в минуту опасности могут нам понадобиться. Может быть нужны те блага, которые я даю—деньги, тогда мы сумеем засыпать ими Революцию и всех ее клевретов...

— Ваше величество, Революцию удовлетворить деньгами нельзя...

— Постой! Обсуждать будем после. Теперь иди и делай так, как я приказал. Да, кстати пригласи ко мне царицу Рекламу и баронессу Моду.

Министр, поклонившись, вышел...

Оставшийся наедине король в глубоком раздумьи простоял несколько минут посредине комнаты, а затем вышел на балкон.

Он посмотрел на Европу.

— Гмм... Я вижу зарево войны, но вижу также и зарево Революции ..—процедил сквозь зубы король Капитал.

До ушей его доносились какие-то незнакомые звуки... „Что это за звуки“? мысленно спросил себя король. „Эго звуки радости народных масс, приветствующих царицу Революцию“... подсказал ему какой то внутренний голос.

Капитал смотрел на Россию и слушал. „Неужели я не обуздаю эту страну гиперборейских дикарей?“ в мыслях задал себе вопрос Капитал. „Вздор! Я залью ее потоками крови, в которых утонет эта мятежная Революция“ сказал он сам себе и повернувшись, вошел в кабинет.

На пороге его уже стояли королевские наложницы Реклама и Мода.

Изящно и кокетливо они приветствовали короля Капитала.

— Здравствуйте,—почти сухо сказал он им, указывая на диван, покрытый тигровой шкурой.

— Мы к тебе с вестями из России,—начала царица Реклама.

— Я уже все знаю,—ответил Капитал, опускаясь в кресло.

— Ваше величество, вижу я, в плохом настроении, а это смею думать,—результат отсутствия точных сведений о России,—вкрадчиво начала Мода...

— А разве ты знаешь больше меня?—недоверчиво спросил король.

— Мы знаем многое, и это „многое" не пугает нас король.—ответила Мода, указав на свою сестру.—Российские события—лишний козырь в руках российских капиталистов. Теперь, после свержения царизма, они доведут войну до победного конца, завоюют новые рынки и еще более окрепнут.

Президиум первого губернского с'езда советов в Минске (30 янв. 1919 г.)

— Да, но Революция может толкнуть массы на путь социальных переворотов и тогда...

Баронесса Мода решилась перебить речь короля Капитала.

— А разве мы не сумеем предупредить это?—хитро улыбаясь, сказала она.—Разве мы, король, не имеем многих противоядий против яда „царицы" Революции? Ха, ха, ха! Мы умнее ее. Послушай, король, тебе Реклама расскажет все по порядку.

Жестом король согласился выслушать Рекламу.

— Король!—начала она.—Действия Революции весьма не страшны Она уже рекламируется мною также, как—в свое время—рекламировалась царская власть. Пресса поет хвалебные гимны деятелям Революции, попы со своих амвонов призывают народ подчиниться новому строю, деятели старого режима, одев красные бантики, проникают во все новые учреждения, а наши капиталисты тем временем опутывают трудящихся новыми сетями и массы не заметят, как очутятся в этих новых, искусно сплетенных сетях...

Король Капитал на минуту задумался.

— Да, все это должно так произойти, как ты говоришь, Реклама, но вполне возможен и другой оборот... Не слишком ли прижали капиталисты всех стран рабов—трудящихся? Не слишком ли много пролито рабской крови? Что, если вдруг все трудящиеся поднимутся против всех капиталистов? Что тогда?..

— О, король...—начало было Реклама, но он перебил ее.

— Вы обе—умные женщины, но все таки вы—женщины и иногда рассуждаете так, как вам присуще. Пока—оставьте меня. Идите и работайте над изысканием тех мер, которыми я мог бы подавить Революцию. Изобретайте тенета, стройте клетки для рабов-трудящихся, ибо горе будет всем нам, если все они восстанут против нас.

Мода и Реклама поднялись со своих мест. Обе они также поклонились королю, как и при входе, и бесшумно исчезли за дорогими портьерами.

Король остался один...

Состав первого губернского с'езда советов в Минске (30 янв. 1919 г.).

III.

Прошло пять дней.

В малом тронном зале готовились к приему российских капиталистов.

Ровно в час дня должен был выйти король Капитал со своими министрами и со свитой. Лакеи в золотых

ливреях, церемониймейстеры с огромными булавами и дежурные офицеры сновали по залу, смотрели—все ли поставлено, везде ли порядок, нет ли каких нибудь упущений. Король Капитал любил помпезность и взыскивал со своих слуг за самый мелкий недосмотр.

За десять минут до высочайшего выхода обер-церемониймейстер пригласил в зал господ российских капиталистов.

В черных сюртучных парах появились они в тронном зале и заняли указанные им места.

Сюда пришли: Морозовы, Крестовниковы, Рябушинские, Тагиевы, Нобели, Поляковы, Кристи, Терещенко, Харитоненко, Хлудов, Катык, Асмолов, Джамгаров, Мессаксуди, Эйнем, Сиу.

Все они сели в роскошные золоченые кресла с ручками из слоновой кости и за спиной у каждого из них вытянулся в струнку ливрейный лакей.

В зале воцарилась тишина. Все знали, что с минуты на минуту пожалует в зал великий повелитель капиталистического мира.

Дом, в котором помещались в 1917 году до октябрьского переворота 1-й Минск. сов. раб. и солд. деп., комитет партии большевиков и редакция газеты „Звезда" (Петроградская, 6). Во времена царизма в этом доме находилось Минское Губерн. Жандарм. Управление.

Лакеи и церемониймейстеры превратились в изваяния, а обер-церемониймейстер застыл в почтительной позе у главного входа, вперив свой взгляд в дугообразную арку.

Где то под сводами зала куранты проиграли час; на пороге появился дворцовый комендант, а за ним свитские генералы и министры.

— Его величество король Капитал!—громко провозгласил обер-церемониймейстер.

Капиталисты поднялись со своих мест и вежливыми поклонами приветствовали вскоре вошедшего короля.

Он тоже поклонился капиталистам, занял место на троне и жестом предложил всем садиться.

Король был одет в горностаевую мантию, а корона его блистала самыми дорогими и красивыми бриллиантами.

После минутной паузы, когда все свитские генералы и министры заняли свои места по обоим сторонам трона, король Капитал начал свою речь, отчеканивая каждое слово.

— Я пригласил вас сюда, господа российские Капиталисты, для того, чтобы, поговорить с вами, притти к тому, или другому решению относительно тех событий мировой важности, которые происходят сейчас в России.

Зловредная противница наша—Революция, несмотря на все, созданные нами преграды, проникла в страну Российскую и, возмутив массы, предполагает надолго обосноваться в этой стране, вырвав тем самым из рук наших нашу державную власть. Прежде чем продиктовать вам меры борьбы с врагом нашим, я хочу узнать от вас—насколько прочно положение Революции, то есть насколько ваше положнние, господа капиталисты, находится под угрозой. Кто хочет из вас—пусть выскажет свой взгляд на вещи и мы, взвесивши и обсудивши все, постановим здесь определенное решение.

Первым заговорил представитель русской текстильной промышленности.

— Ваше королевское величество, господа свитские генералы, министры и все верные слуги короля Капитала! Все мы, конечно, соглашаемся с тем, что злая противница наша—Революция угрожает благополучию нашему, угрожает — созданным нами— науке, искусству, цивилизации и всей вообще капиталистическ. культуре! Все мы, движимые одними и теми чувствами и побуждениями, должны многое противопоставить той химере, которую проповедует в среде наших рабов-трудящихся преступница Революция, дабы тем самым предотвратить те бедствия, которые несет с собой Революция для нас российских и—быть может—для всех в мире капиталистов. Мы должны констатировать тот факт, что пока Революция не сделала для нас почти никакого вреда. Правда, прибыли наши начинают ограничиваться, производительность труда наших рабов начинает падать, но смеем думать, что эти наши невзгоды преходящи и что с течением времени мы, российские капиталисты, сумеем обуздать рабов-трудящихся и вознаградить себя сторицей. До сего времени земли наши, фабрики и заводы наши еще находятся в полном владении нашем и священное право частной собственности еще нигде не нарушено. К сожалению, нельзя сказать, что это положение будет продолжаться и впредь, что и дольше мы будем сохранять господство свое в великой державе Российской. Преступница Революция толкает наших рабов к восстанию против нас, капиталистов, она дерзает поднять свою гадкую руку на веками освященное право частной собственности. В этом вся наша опасность, в этом состоит угроза, о ликвидации

которой мы должны весьма серьезно подумать. Ваше величество и все члены этого высокого собрания! Мне кажется, что единственной мерой против надвигающегося на нас бедствия может служить немедленное продолжение войны во что-бы то ни стало до победного конца, ибо нужно помнить великое учение наших капиталистических историков о том, **что победители никогда не делают у себя революции.** Опьяненные победой, наши солдаты забудут те бредовые социалистические идеи, которые заронила в их голову преступница—Революция и мы, российские капиталисты, выйдя победителями из войны с немецкими капиталистами, сможем в течение многих столетий заниматься нашим мирным делом на благо мировой цивилизации.

После фабриканта текстильщика говорил крупный русский сахарозаводчик и сказал почти тоже самое.

— Нам необходимо,—произнес он в заключенье, — мобилизовать всю нашу науку, литературу, искусство и прочее для борьбы с Революцией, ибо эта борьба, быть может, потребует от нас крайнего напряжения сил.

Все согласились с мнениями двух ораторов и речей больше никто не произносил.

Только король сказал еще несколько слов:

— Господа российские капиталисты! Вы сами сознаете что переживаете ответственный момент. Будьте же во всеоружии, чтобы отразить врага в минуту, когда это потребуется. Ведите теперь рабов-трудящихся на немецкие окопы, но если вам не удастся продолжать войну, то заключите немедленно мир с немецкими капиталистами, ибо лучше вам от них зависеть, чем совершенно исчезнуть с лица российской земли от ударов взбунтовавшихся рабов. Требуйте от ваших ученых, попов, журналистов и проч. чтобы они всегда и везде были за вас, ибо ваши интересы—их интересы. Ученые, журналисты и прочие—питаются ведь крохами с вашего капиталистического стола.

После этого король встал и удалился со свитой и министрами из зала под приветственные крики капиталистов.

Через несколько минут дворцовый комендант пригласил всех гостей от имени короля Капитала к высочайшему завтраку.

Альфа-Бэта.

(Продолжение следует).

Здание быв. Коммерческ. училища в Минске. После Октябрьской Революции в этом здании помещались Минский Совдеп и Комитет партии Большевиков.

Сон просвещенного мореплавателя.

(СКАЗКА).

„Англичанин хитрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину". И еще множество всякой всячины. Наконец наизобретал столько, что осталось лишь сложить руки и почить от дел.

С'ел кровавый ростбив, выпил файф'о-клок с кэксом и уснул.

Уснул и видит сон.

Увидел себя во сне маленьким Джон Булем. Строгая, но добрая мама учит его молиться строгому, но доброму боженьке, чтить пастора и церковь, уважать человека и его права и любить доброго короля.

Подростает Джон Буль. Учит его пастор уважать свои и чужие права, чтить бога и церковь, любить строгую, но добрую маму и добрую королеву.

Еще подрос Джон Буль и поступил в колледж. И опять его учат почитать церковь, бога и пастора, а также маму, уважать право гражданина и чувствовать себя гражданином и любить доброго короля.

Вот он добрался до Итона. И здесь тоже учили его уважать, почитать и любить бога, церковь, пастора, маму и добрую королеву, а также уважать английскую конституцию, выше которой ничего нет во всем мире.

В Оксфорде Джон Буль все это знал уже так твердо, что в свободное время ему разрешалось поиграть в футбол и поупражняться в боксе.

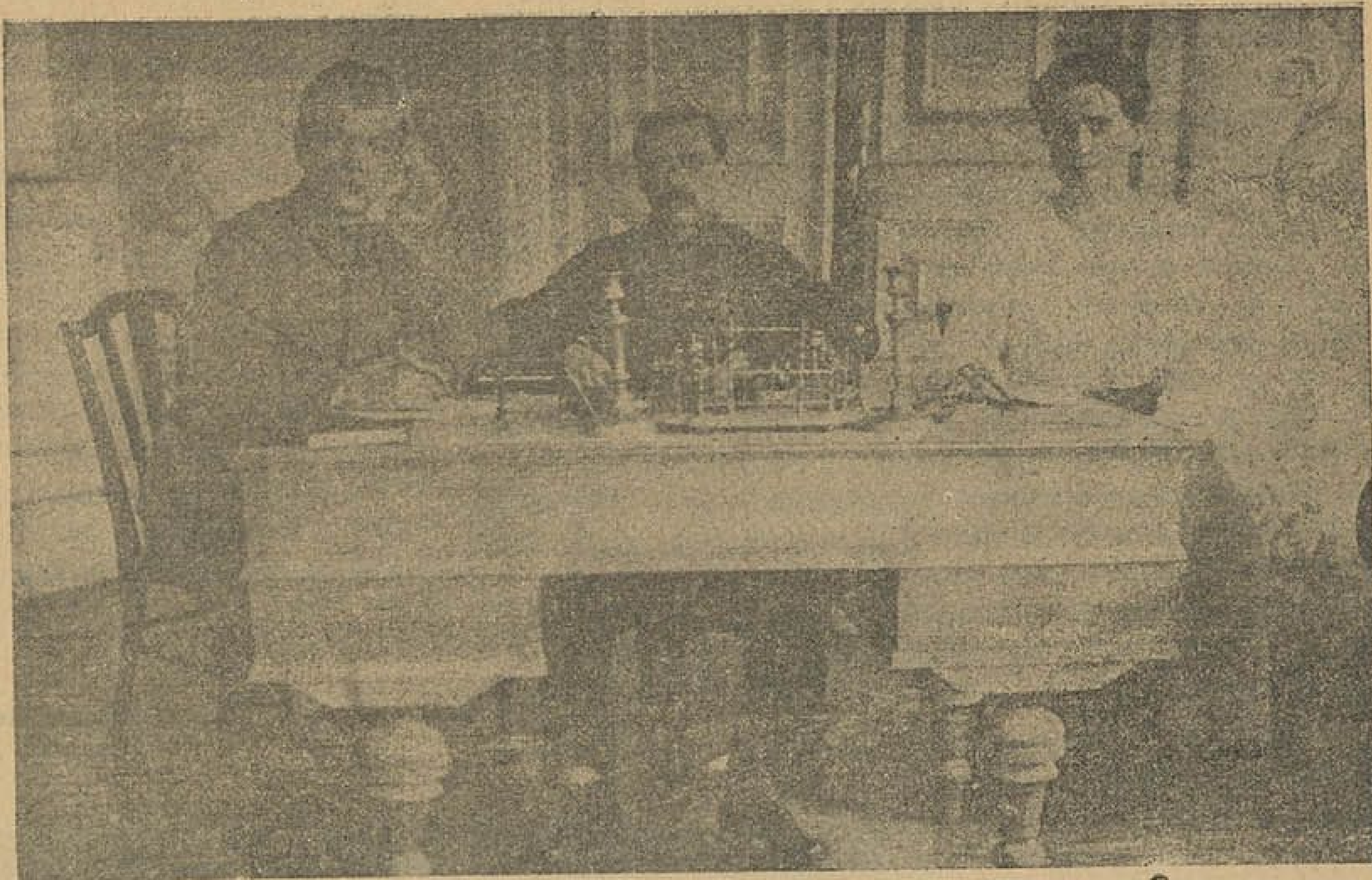
Играет Джон Буль в футбол, ест кровавый ростбив, ходит в церковь, любит добрую маму,

доброе королеву, добрую Англию, доброго пастора, добрую английскую конституцию.

Мой дом—моя крепость. Вот каков смысл этой лучшей в мире конституции.

И окончил Джон Буль оксфордский университет—лучший университет в мире, после чего сильным, любящим, уважающим свое и чужое право гражданином вступил в свет, чтобы начать христианскую, добродетельную жизнь, основанную на любви к богу. к конституции и ближнему.

И отправился Джон Буль в путешествие, открывать новые страны, так как на британских островах от пасторов, добрых граждан и университетов стало очень тесно: не хватало место даже для хорошей площадки, чтобы устроить теннис. Добрые фермеры Джон Буля имели по десять сажен на душу, обрабатывая их в поте лица, отчего на путешествие для Джон Буля скопилась порядочная сумма денег.

В Минском Город. Комитете Коммунист. партии (большевиков) т. т. (слева—направо): Лагун, Гончаров (председ. партии) и Петрова.

Приезжает Джон Буль в Америку, которая уже была в то время открыта, и принимается возделывать поля. Бог, которого любил и уважал Джон Буль, помог ему в его начинаниях: послал ему в помощь краснокожих индейцев, которые продавали ему звериные шкуры и золото взамен огненной воды, и чернокожих негров, продававших свой труд даром, потому что их всех Джон Буль купил у своих земляков, просвещенных мореплавателей. в полную собственность, с правом на жизнь и на смерть.

Совсем хорошо было Джон Булю в Америке, но страсть к путешествиям не оставляла его. И когда половина краснокожих индейцев перемерла от огненной воды, сифилиса и пуль, он отправился в Индию, с целью поискать нового рынка для торговли звериными шкурами, золотом и камнями. Бог Джон Буля споспешествовал ему и скоро вся Индия лежала у его ног. Богатейшие плантации риса, индиго, табаку, кофе—цвели, обработанные и политые потом желтых индусов, которых добрый бог Джон Буля поручил его попечению, наказав быть с ними строгим, но милостивым, вручил Джон Булю эмблемы своей земной власти на земле—ружье, веревку и огненную воду.

И стал богатеть Джон Буль день ото дня, расширая свои владения в земле индусов, до тех пор, пока с боков у него не появились соседи, тоже просвещенные европейцы, приведенные на берега индийского океана промыслом божиим.

Когда увидел Джон Буль, что дальше ему шириться здесь нельзя будет, он снарядил корабли и отправился в море, открывать новые земли. К тому времени милостью божией половина индусов вымерла от голода, чумы и английской конституции.

И открылся взору Джон Буля новый роскошный материк. Здесь нашел он маленьких обезьяноподобных и темнокоричневых людей. Назвал новую землю Австралией, а ав-

В Минском губернском военном комиссариате. Второй слева—губ. ком. тов. Кривошеин, по бокам—его ближайшие сотрудники.

стралийцев посадил за дело: обрабатывать его плантации, почитать бога и английского короля. Деятельно принялись коричневые австралийцы за работу и вскоре появились на новом материке богатые английские города, села и деревни. День ото дня прибывало в Австралии число жителей—европейцев и убывало число жителей—австралийцев, которым их строптивый характер не позволял освоиться совсем с английскими, лучшими в мире законами. От этих законов австралийцы расбегались по островам с материка, или же умирали целыми деревнями, благословляемые английским богом, посылавшим огонь на их мирные хижины.

И вернулся домой Джон Буль, на свои малые, но родные острова, назвав их Великобританией. Здесь он получил известие, что все цветные расы покорены английскому королю и английской конституции, гласившей:

— Мой дом—моя крепость.

Затем стал получать отовсюду посылки с продуктами, как ненормированными, так и нормированными. Это вскоре вызвало неудовольствие в колониях Джон Буля.

Тов. Ричард Пикель, бывш. председатель Совнархоза Белорусск. Советск. Респуб., а ныне член президиума Ц. И. К. Литовско-Белорусск. Советск. Республики.

— Ненормированные продукты, еще туда-сюда,—возопили оставшиеся в колониях великобританцы и другие просвещенные европейцы.—Что же касается нормированных продуктов, то это уже слишком жирно будет.

И одна за другою колонии стали отделяться от Метрополии.

Посоветовался тогда Джон Буль со своим пастором, пастор с богом; бог внушил королю и парламенту:

— Не потерпим сепаратизма.

И помог бог Великой Британии. Часть колоний, в том числе африканские и азиатские были силою оружия и милостью неба удержаны. Часть же отпала, образовав самостоятельные государства.

Неспокойно стало жить Джон Булю. Снова почувствовал он тесноту на своих маленьких, но великих островах. Несогласно оказалось с английской конституцией то, что покоренные страны заявили себя самостоятельными.

И построил он флот. Величайший в мире флот, божиею милостью, на страх врагам.

— Чорт возьми,—сказала королева.—Я научу их свободу любить и уважать свое отечество.

— Дудки!—сказал Вильгельм германский, подслушав эту английскую похвальбу.

— Отечество, это я,—авторитетно промолвил он, присутствуя на освящении первой подводной лодки.

— Германская нация—единственная нация, которую любит и знает бог,—так высказался он на освящении первого цеппелина.

— А посему он, всевышний, обязан наказать Англию.

И весь народ германский воскликнул:

— Гох!

И слышно стало во всех английских колониях, что Англия слаба стала.

И начались восстания: индусов—в Индии, буров—в южной Африке, негров—в Замбези, малайцев—в Новой Гвинее.

—Что за комиссия!—заворочался во сне Джон Буль.

— Самая лучшая религия в мире—английская религия. Самая лучшая сталь в мире—английская сталь. Самая лучшая конституция в мире—английская конституция. Самая лучшая водка в мире—английская виски...

Он скрипнул зубами и перевернулся на другой бок.

И рявкнули орудия с бортов всего английского флота. И зататакали пулеметы лучших английских фабрик. И пошел ко дну первый из дредноутов английского флота. И бросилась германская армия на армию великобританскую. И пошел дым коромыслом.

Весь натужился Джон Буль. Сжав кулаки, зарычал и приготовился к боксу.

— Эй, Янки Дудль! Наших бьют!—прохрипел он в страшном бреду.

Президент Вильсон в это время писал послание к сенату:

Америка—единственная страна, которую возлюбил бог. Америка—молодая страна, полная сил, уважения к закону и своей конституции. Америка—богатейшая из всех стран. И что же мы видим, граждане? Мы видим, что одна из европейских держав, Германия, может сделаться единственной повелительницей на суше и на море. Вот уже положены на обе лопатки русская императорская армия—гроза Европы. Вот уже лишилась половины зубов доблестная французская армия. Вот уже забит пол мужественной Англии. Мы останемся с глазу на глаз с этой победоносной Германией, когда от Франции останется мокрое место, а флот

Англии будет лежать на дне немецкого моря. Во имя божие, вооружайся великий, свободолюбивый, мирный народ!

Заскрипели блоки на американских верфях, запели сирены морских чудовищ, перевозивших трехцветные американские войска.

И вот он—последний и решительный бой.

— Ой! Ой! Семеро на одного! Наш император—не гений. Он—идиот и обманщик. Он не предусмотрел, что на нас может навалиться весь мир. Долой императора!

Ф-фу!—вздохнул Джон Буль.—Свалил медведя. Что теперь предпринять?

— Да что же предпримешь?—ответил Янки Дудль.—Давай делить добычу, больше ничего не остается.

Надулся Джон Буль.

— Делить... Не привык я делить то, Мистер Дудль, вот что-с...

— Пора привыкать, не молоденький уж.

— Подождите-ка. Тут еще кто то пришел. Войдите!

Постучавшись вошли в спальню Джон Буля двое индусов.

— Мы от конгресса индусского народа. Будьте любезны... Народ требует самоопределения.

— Гм... Кто еще там, за дверями? Войдите.

Вошли двое малайцев.

— Так что надо бы с вами рассчитаться, да и пожалуйте ко двору. У нас и без вас тесно.

— Та-к. Войдите.

Вошли двое негров.

— Мы представители заседающего в Париже конгресса чернокожих. К вам, гражданин Дудель, и к вам, гражданин Буль.

— Масса Дудель—поправил американец.

— Были массой, гражданин Дудель, теперь мы сами—масса. Сознательная, рабочая масса. Вот, прочитайте резолюцию.

— Что вы хотите для себя?

— Все то, что и вы для себя.

— И мы тоже,—сказали индусы

— И мы,—прибавили малайцы.

Джон Буль почувствовал, что его как будто разрывают на части. Он дернулся в одну сторону, потом в другую. Казалось, кто то отнял у него руки, потом пропали ноги, затем начала отделяться от туловища голова.

Эта голова раскрыла рот и хриплым, придушенным голосом крикнула:

— Пожар! Горим!

И проснулся. Проснулся Джон Буль, бросился к окну. Видит, действительно, где то горит. Большой пожар. Зарево охватило весь видимый горизонт.

Послал за газетами.

В них описывался пожар мировой революции. Во всех газетах говорилось, что пожар возник от неизвестной причины.

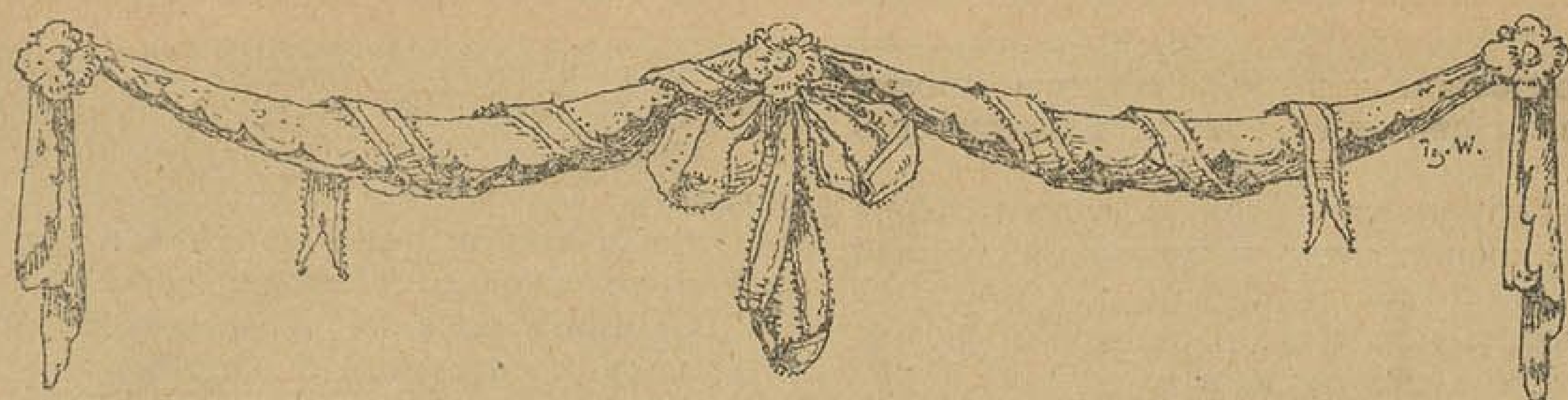
И только одна, самая маленькая „Пель-Мель" высказывала предположение, что пожар произошел вследствие неосторожности Джон Буля. Когда он строил машины, то не запас достаточно смазочного масла, понадеявшись, что для смазки машин хватит человечьего сала.

Его не хватило, подшипники перегорели. Машины вспыхнули, а от них занялся и весь мир.

А. Панвоин.

Член Ц. И. К. Литовско-Белорусской Советской Республики, тов Найденков.

У врат новой жизни.

Рассказ.

I.

Николай и Андрей спустились с высокой горы и подошли к берегу реки.

Николай с Джэком (так звали его охотничью собаку) вошли в лодку, а Андрей столкнул ее с отмели и тоже вскочил в нее.

Охотники начали переправляться на другой берег Кана.

— Лодка того...кажется, вот вот треснет...—проговорил Николай, набивая свою короткую трубку махоркой.

— Течет...—процедил сквозь зубы Андрей, а после паузы добавил:

— Чего удивительного?.. Третий год нам служит.

Гребли оба, переезжая реку наискосок.

Андрей смотрел в воду, Николай глядел вдоль Кана, а Джек—весьма умный пьес какой-то странной породы—озабоченно посматривал на своих хозяев и казалось, думал о том—удачная-ли сегодня будет охота, или нет?

— А ведь уже осенью пахнет,—сказал Николай Казимирович и вздохнул полной грудью.

— Да, вон журавли к югу тянут и вся птица уже на большую воду пошла... Пожалуй по озерам утей и не настреляем...—заметил Андрей.

— Журавли должно быть с дуру... Рано еще... Сегодня 25-го августа. Впрочем, в Сибири это уже время позднее.

Скоро лодка уткнулась носом в песчаный берег.

Первым выскочил Андрей, за ним, не торопясь, вышли Джек и Николай. Андрей вытащил лодку на берег, опрокинул ее и спрятал под нее весла.

— В Красный Яр пойдем?—спросил Николай своего приятеля.

— Думаю, что туда,—ответил Андрей и взбежал на гребень довольно высокого берега.

Николай с Джеком последовали за ним.

— Прибавим что-ли шагу?—предложил Андрей и попытался зашагать быстрее, но Николай Казимирович удержал его за руку и сказал с какими-то особыми лирико-поэтическими нотками в голосе...

— А зачем, Андрюша? Посмотри, как кругом хорошо?! Эта необ'ятная ширь, эти желтеющие перелесочки, воды быстрого, величавого Кана?! Не знаю, как ты, но я всегда почему-то особенно чувствую этот специфический запах осени... Именно—осенний запах. Ни зимой, ни весной, ни летом такого запаха не бывает. Он поддается обонянию только с середины августа, когда лист желтеть начинает. И этот особый запах всегда родит во мне самые лучшие воспоминания и будто зовет меня вперед, на новые, на великие подвиги. Когда я был на каторге и выходил на получасовые прогулки, меня—каждую осень—особенно мучил и терзал этот запах. Возвратясь в камеру, я всегда думал: „ну вот—еще осень пришла, а что ты, Николай, новое сделал, что ты свершил для блага людского? Торопись, Николай, не много уж осеней осталось“. Легко было сказать, или подумать—„торопись“, а что я мог сделать, коли меня душила тюрьма?!

Николай Казимирович пососал давно потухшую трубку, сунул ее в карман своих грубых штанов из шерсти, а затем продолжал тем же тоном.

— И вот теперь... Снова волнует мою душу этот осенний запах, напоминает мне о прошлом, манит к будущему, но что я могу свершить, если мне уже пошел тридцать первый, если голова седеет и поселенец я,—из „ссыльно каторжных“,—в глуши Енисейской губернии.

Николай остановился, снял ружье с плеча и, поглядев кругом своими влажными от набежавших слез глазами, тихо сказал.

— Андрюша... хорошо здесь... Видишь вон ту поляну? Выроем на ней глубокую, очень глубокую могилу и похороним в ней все свои мечты, все надежды нашей юности и молодости. Будем жить в селе нашем и изредка будем приходить сюда навещать наших милых покойников.

— Зачем такая печаль и разочарованность, Николай Казимирович?—добродушно спросил Андрей.—Вы человек мягкий, поэтический, набежала на вас тучка небольшая, вы и расчувствовались. Разве можно так? Нам, революционерам, надо быть твердыми, как скала, надо бодро смотреть на жизнь... Сами же вы учили меня этому, а теперь размякли, малодушничаете... Нехорошо, бодритесь, Николай Казимирович!

Последний точно не слышал слов приятеля и продолжал тем же тоном.

— Хочется мне в Могилевскую, Андрюшечка, ой как хочется! Хоть глазком-бы взглянуть на родные места?!

— Гмм... Все это, конечно, так... Я бы тоже с удовольствием на свои „Гураки“ посмотрел, да коли нельзя, так чтоже будешь делать. Поживем, авось все переменится...—по резонерски ответил Андрей и схватился за ружье.

— Смотрите-ка, Джек то наш над кустом скрючился. Должно быть ушкан*).

Действительно, собака стояла над кустом именно „скрючившись“, ибо поза ее мало напоминала стойку лягавой собаки, да и Джек к этой породе не принадлежал.

Он был породы „черт ее знает какой“, как обыкновенно выражался про Джека хозяин его—Николай Казимирович Повинский.

*) В Сибири, так называют зайцев.

Андрей подбежал к кусту и крикнул собаке „пиль“, но она не двинулась с места, а скрючилась еще больше.

Тогда Андрей ткнул ногой в куст и оттуда выкатился уже наполовину побелевший, серый ушканчик.

Андрей выстрелил... Ушкан перекувыркнулся, затем пополз, крича благим матом.

— Фу, как гадко! Добей его, Андрюша!— попросил Николай Казимирович.

Но добивать не пришлось, ибо лохматый Джек подбежал к зайцу, придушил его и в зубах доставил его Николаю Казимировичу, которого считал хозяином.

— Почин есть,—сказал Николай, передавая зверька своему другу, и затем оба охотника зашагали по широкой поляне.

Пройдя ее, пошли перелесочками, затем болотистым лугом.

Видели, как журавли собирали корм, слушали, как гуси кричали где то на небольших притоках Кана.

Войдя, в наполовину срубленный березняк, застрелили по одному зайцу, причем Андрей хотел „на всякий случай“ побить немного Джека за то, что последний „отгонял от ног зайцев“, но Николай сказал, что „Джек с горяча только на первых порах не выдерживает стойки“, и заступился за своего любимого пса.

Андрей по сему поводу долго ворчал.

II.

Поздно вечером друзья-охотники подходили к знакомой заимке*) в глухом уголку леса.

За день они поохотились на озерах, случайно постреляли тетеревей в березовой роще.

Исколесили, верно, верст тридцать, а потому, подходя к заимке, еле волочили ноги.

Даже весьма ретивый Джек и тот чувствовал свое физическое ослабление.

Охотники добыли: пять зайцев, полтора десятка уток, 8 тетеревей и одного гуся.

Нельзя сказать, чтобы эти трофеи были из крупных, но охотники особенно далеко не углублялись, а данная местность ничего большего за день дать почти и не могла.

В избушку заимки первым вошел Андрей.

Николай с Джеком были еще шагах в ста от заимки.

— Никого нету, а вся посуда есть!—закричал Андрей Николаю Казимировичу из избушки.

Последний еле дошел до избушки, и войдя в нее, повалился на нары.

— Ох, Господи... Устал то как... А еще завтра денек пошляться надо...—проговорил Николай...

— Ну, чтож... и походим... За то Ирина Семеновна нам благодарна будет... Дичи ей всякой доставим, неделю целую кормиться затем будем...— флегматично ответил Андрей и начал готовить чай.

Минут через двадцать, когда закипела вода в чайнике, Андрей позвал Николая Казимировича.

— Пожалуйте, товарищ! Будем кушать.

— Спасибо, родной мой,—ответил, Николай Казимирович... Извините, что вы все делаете, а я лежу паразитом,—добавил он после паузы и сполз с палатей.

— Ну, чего там—„паразитом“?! Просто вы больше меня устали, да и все тут,—заметил Андрей и два друга начали есть хлеб с салом и пить крепкий чай без сахару.

Джек получил кусочек хлеба и несколько пар заячьих лапок. Все это он с‘ел с большим аппетитом.

*) Заимка—в Сибири—маленький хуторок, или даже одна изба с поветью, в которых живут только летом во время производства полевых работ.

Совет Народн. Комиссаров в 1917 г. в Минске после Октябрьск. дней: (слева—направо) т. т. Соловьев, Вигилянский, Кривошеин, Пикель, Алибегов, Калманович, Ландер, Феденев, Вавер, Кнорин, Краснов, Фрейман и др.

Президиум Минского Комитета партии Большевиков и ответственные работники в 1917 году. Сидит —четвертый слева—главнокомандующий Западным фронтом, тов. Мясников.

Ложились спать Андрей и Николай при лучине. Легли на палатях, застлавши их соломой.

Джек поместился в ногах у своего хозяина и все время—к большому неудовольствию товарища Андрея—воевал со своими блохами.

Николай Казимирович перед сном высосал трубку махорки, а Андрей Константинович принялся было рассказывать приятелю один из эпизодов арестантской жизни в Нерчинской каторге, но затем запутался и уснул на самом интересном месте.

III.

Проснулись охотники довольно рано, умылись водой из колодца, выпили чайку, с'ели по ломтю хлеба, дали половинку ломтя собаке и двинулись в путь. Снова стреляли ушканов, охотились на уток, случайно застрелили одного гуся и трех чернышей.

К вечеру второго дня подошли они к берегу Кана, столкнули лодку на воду и поплыли.

Опять говорили на ту тему, что в лодке трещины и надо бы ее засмолить хорошенько, но эти мысли их занимали только до противоположного берега.

На нем они положили лодку, спрятали под нее весла и, усталые, начали подниматься на крутую гору.

Поднявшись, увидели село Никольское и поспешили (хотя, нагруженные дичью, еле двигали ноги) к своей избе.

У ворот их встретила Аринка.

— Наконец-то, как я рада!—воскликнула она и захлопала в ладоши от радости.

Пожала руки обоим охотникам, отмахнулась от лизнувшего ее в щеку Джека, и повела их в избу.

Самовар шумел, на столе стояли молоко, вареное мясо и шанешки*).

Охотники, умывшись, рассказывали Аринке, здоровой и красивой бабе лет тридцати, о своих приключениях и уплетали все поставленное за обе щеки.

Аринка сосчитала дичь. Оказалось, что принесено—9 зайцев, 2 гуся, 28 уток и 11 тетеревей.

— Зайцев, гусей и тетеревей завтра обязательно свезу в город, а остальную дичь поедим сами—решительно заявила Арина и начала кормить собаку.

— Ушканье ведь сибиряки не едят, чего ради тащить их в город,—сказал Андрей, но Аринка ему ответила на это, что теперь пленные австрийцы и немцы с большим удовольствием и за хорошие деньги покупают заячье мясо.

После ужина и чая, Андрей лег спать на скамейке, а за занавеской на кровати поместились Николай и Аринка.

Джек своевременно был удален в сени...

IV.

Под утро—еще было темно—проснулся Николай Казимирович.

Хоть и сильно он устал, но всю ночь его мучили сны. Знать нанюхался он осеннего, одурающего его, воздуха.

Чудилось ночью Повинскому, что он все еще семнадцатилетний гимназист—юноша, сын могилевского мелкого помещика и что он увлекается партийной работой, а именно ведет агитацию среди местных крестьян. Успешно у него идет это дело, в котором помогают ему двое: Андрей Викторенок и красавица-девица из деревни Салатовщина—

*) Шанешки—сибирские булочки, пирожки.

Арина Панасенкова. Первый—по ночам—вместе с Повинским развозит литературу по деревням и разбрасывает ее, а вторая—прячет эту литературу в укромных местах. Сильно нравится крестьянская дочь Арина Семенова „паничу", Повинскому, и последний, забыв все свое „панство", весьма увлекается Аринкой. Знает Аринка, что Повинский „ей не ровня", как говорят сельские девки, но она полюбила „неровню" и отдала ему свои ласки. Прошел год, накрыли жандармы их организацию, только Аринка осталась в стороне. Выгородили ее арестованные Повинский и Андрей Викторенок.

Судили их обоих и приговорили на каторгу. Одного послали в Александровскую центральную каторжную, а другого—Викторенка—послали в Нерчинск. Но как кончились им сроки, то сослали их обоих на поселение в Енисейскую губ.

Этому, сравнительно хорошему исходу способствовала, ушедшая за Повинским в Сибирь деревенская красавица Аринка, ездившая ходатайкой к генерал-губернатору.

Николай Казимирович Повинский, мечтал о прошлом и не мог уснуть.

Через час он поднялся вместе с Аринкой.

Встал и Андрей Викторенок.

Выпили чаю вместе, затем Аринка уехала в уездный городок продавать дичь, а Николай и Андрей начали исполнять разные хозяйственные работы.

V.

Так жили и работали в с. Никольском ссыльные поселенцы Николай Казимирович Повинский и Андрей Васильевич Викторенок с Ариной Антоновной.

Зимой друзья ходили на целый месяц в тайгу, охотились за медведями, стреляли белок и лисиц.

В избе у Аринки, как у отличной хозяйки, всегда было тепло, сытно и уютно.

Продовольственный кризис, ощущаемый даже в городах Сибири, не ощущался в избе ссыльных.

Аринка ухитрялась доставать в городе и сахар, и чай и даже некоторые деликатессы, вроде конфект и печенья.

Заботилась Аринка „о двоих хозяевах", а в особенности—о своем возлюбленном „Коленьке", как иногда она его называла..

Полиция N—ского уезда была довольно „снисходительная" и к политическим придирались мало. Изредка ссыльных посещал урядник, да иногда пристав требовал их к себе.

Говорили, что такому „послаблению" много способствовала деловитая Аринка, часто „подкармливавшая" урядника, но если на самом деле это и было, то, конечно, помимо согласия и воли обоих хозяев.

В конце февраля Николай и Андрей отправились в таежные леса на охоту за дикими козами. Охотились дней десять и возвратились в село с довольно большой добычей.

Аринка немедленно принялась за „обработку" дичи, при чем, севшим за стол „хозяевам" сказала, что из города идут какие-то неопределенные вести о больших переменах в России.

— Приехал сегодня сельский писарь,—сказала Аринка,—и говорит, что уже царя в России нет и что все старое начальство прогнано.

Ссыльные переглянулись, наскоро закусили и побежали к сельскому писарю узнавать новости.

Писарь сказал, что действительно, в городе большое оживление, ибо пришла телеграмма о том, что царское правительство свергнуто, сам царь арестован и в Петрограде образован уже какой-то „временный комитет".

— Ссыльные пришли домой и твердо решили завтра же отправиться в город, до которого было 25 верст.

Аринка уговаривала их отдохнуть, но они стояли на своем и на другой день запрягли лошадь и поехали.

С ними отправилась и Аринка, которая не столько, собственно, интересовалась политикой, сколько хотела продать на базаре мясо и шкуры диких коз.

В городе ссыльные узнали, что в России разразилась февральская революция и потому решили немедленно ликвидировать всю свою сельскую жизнь и переехать в город.

Аринка начала было протестовать против „немедленности", но увидела, что протесты эти ни к чему не приведут и потому смирилась, хотя и весьма ворчала, указывая на то, что скоропалительность повлечет за собой большой убыток.

Ссыльные „пошли на убыток" и спустя три дня все переехали в город.

VI.

Прошло семь с половиной месяцев. Николай и Андрей жили в большом российском городе, бурной и интересной жизнью.

Оба стояли во главе пролетарского движения, пользуясь любовью и доверием рабочих масс....

Был октябрь месяц...

Неумолимые законы истории готовили пролетариату ту чашу скорби, которую он должен был испить до конца. В воздухе пахло надвигающейся кровавой бурей. Из обоих столиц шли вести о том, что пролетарская масса окончательно порывает с соглашателями и в скором времени провозгласит гражданскую войну.

Обе стороны деятельно, готовились к борьбе.

В том городе, где жили Николай и Андрей, в рабочих кварталах целую неделю шли митинги, рабочие на заводах делали колючую проволоку, за городом—небольшими группами—учились стрельбе, вырабатывали планы и т. п.

Противная сторона тоже не сидела сложа руки.

На улицах появились броневые автомобили, казачьи раз'езды; спешно были вызваны с фронта „ударные баталионы".

На стороне „власти" были две школы прапорщиков и юнкерское училище.

Этот элемент, вместе с офицерами гарнизона, составлял главную опору всех сторонников правительства Керенского.

Однажды вечером, когда Повинский и Викторенок сидели в своей небольшой квартирке и о чем-то говорили вполголоса, у ворот их дома вдруг остановился автомобиль.

На двсре раздался топот нескольких пар людских ног.

— Кто-бы это к нам? —почти с тревогой в голосе произнесла Аринка.

Андрей недоумевающе пожал плечами, а Николай тихо сказал:

— Уж не идут ли нас арестовать?

Он встал и подошел к окну соседней, не освещенной комнаты.

— Андрей, спасайся, это за нами!—воскликнул он через минуту, и приоткрыл окно.

Минский Комитет партии Большевиков, ответственные работники и сотрудники за месяц до оккупации Минска немцами.

В это время с шумом сорвалась дверь с петель и в комнату ворвались казачий офицер с юнкерами.

— Ты Повинский?—закричал здоровенный полупьяный есаул.

— Нет,—тихо ответил Андрей.

— А ты кто такой?—спросил тот же грубиян-офицер.

— Я—Викторенок...—ответил Андрей.

— Тебя нам тоже нужно. Возьмите его... обратился казак к юнкерам.

Последние исполнили приказание и схватили Андрея. В это время Николай открыл окно и выпрыгнул в сад. Ворвавшийся в комнату офицер увидел, как по кустам пробиралась какая-то тень, окликнул ее, выстрелил по ней два раза, но промахнулся. Раздетый, без шапки, Николай быстро перелез через забор и скрылся в соседнем рабочем квартале. Юнкера произвели в квартире обыск, перерыли все вверх дном,—обругали неприличными словами плачущую Аринку и увезли Андрея в тюрьму.

VII.

Спустя два дня начался бой.

Казаки и юнкера, предводительствуемые офицерами, вздумали было розоружить один из „бурных“ пехотных полков, но наткнулись на сильное сопротивление.

Пехотинцы засели в казармах, и открыли огонь из винтовок.

Юнкера и офицеры открыли пулеметную стрельбу.

С этого все началось.

К вечеру того же дня разыгрывалось уже настоящее сражение. С обоих сторон гремели пушки, трещали пулеметы и раздавалась частая ружейная стрельба.

Андрей сидел в тюрьме вместе со многими деятелями, выхваченными из рядов пролетариата, а Николай заседал в штабе восставших войск и руководил, как умел ходом боя. „Красных“ было гораздо больше, у них был порыв, воодушевление. „Белые“ держались лишь благодаря дисциплине юнкеров, ибо казаки, повоевав часа два, разошлись по казармам, а ударные баталионы предпочитали нести караульную службу в тылу.

На второй день боя, уставшие юнкера предложили рабочим и солдатам перемирие, но последние потребовали от них безусловной сдачи и полного разоружения.

Юнкера, подогреваемые офицерами, не согласились на эти условия и бой продолжался с прежним ожесточением.

С обоих сторон было много убитых и раненых.

Николай предложил военно-революционному штабу свой план взятия тюрмы в которой томились многие из их товарищей, и штаб одобрил этот план.

Николай сам повел отряд на штурм каземата.

— Как то моя Аринка себя чувствует? Жива ли она?—подумал Николай и очень захотелось ему пробиться в тот квартал, где жила его верная подруга жизни, но этого сделать никак нельзя было: та улица была занята белогвардейцами.

Энергично начали наседать красные солдаты вместе с красногвардейцами на тюрьму и обстреливать защитников ее ружейным огнем.

Тюрьма охранялась полусотней „ударников", тремя десятками белогвардейцев и почти таким же количеством офицеров. Последние и составляли главную силу „белых". Они обстреливали нападающих из пулемета и бросали из-за прикрытий ручные гранаты.

После двух часового боя тюрьма была обхвачена полукольцом.

Защищающие тюрьму поняли, что им не удержать своей „крепости", а потому решили „эвакуировать" ее возможно скорее. С этой целью они вывели всех политических на двор, связали их веревками между собою и, окружив этих несчастных, вместе с ними вышли из ворот тюремной ограды.

Николай издали видел, что уводят всех тех, которые ему более всего важны, он понимал, что в толпе „арестантов" безусловно, есть и Андрей.

Николай решил не терять ни минуты времени и с фланга ударить на белогвардейцев, чтобы освободить приятелей. С ним было человек тридцать пять рабочих и он им приказал броситься в штыки на врага. Рабочие повиновались и с криками: „Ура! Да здравствует социальная революция!" бросились в атаку.

Белогвардейцы открыли огонь и „арестантам" приказали лечь на землю. Последние легли, за исключением одного.

Это был—Андрей.

Со связанными назад руками он стоял и громко кричал:

— Сюда, товарищи! Скорей сюда! Ура! Да здравствует власть пролетариата!

Белогвардейская пуля попала Андрею прямо в голову. С легким стоном он свалился на землю и умер.

Видел это Николай и спешил к своему товарищу, надеясь, что быть может он еще жив, спешил и для мести.

Банда конвоиров дрогнула и пустилась в бегство.

Николай подбежал к своему другу и, наклонился над ним.

— Андрюша! Милый... Андрюша,—шептал он.

В это время Николай почувствовал, что его кольнуло что-то в левый бок и он потерял сознание.

Свой ли по нечаянности выстрелил, или какой либо отступающий белогвардеец послал свою последнюю шальную пулю, но она оказалась смертельной...

. . . .
. . . .

Через день бой кончился в пользу красных.

Разбитые „белые" вышли из города и разбрелись по окрестностям.

Мертвецкие в городе были переполнены.

Два дня искала Аринка своих дорогих покойников и наконец нашла их.

Рядышком лежали они в одной из часовень, спаянные крепкой дружбой.

Очень убивалась над ними Аринка.

Плакала над теми, которые пали у самых врат новой, свободной, счастливой жизни...

А. Б.

Манифестация в честь Красной армии в г. Рогачеве.

Красная Рука.

РАССКАЗ.

Наступили тяжелые дни... Округ А... переходил из рук в руки... Советские войска то подвигались и захватывали деревни, то отодвигались назад, пробуя обойти неприятеля.

Смешенные немецко-польские батальоны старались завладеть местностью... Шли длительные ожесточенные бои с переменным успехом. Счастье улыбнулось немцам. Советские войска planомерно передвинулись на позиции вправо и округ А... очутился в руках временных победителей. Началась расправа с жителями. Военно-полевые суды вешали пленных революционеров сотнями... Даже не в 24 часа. В 24 минуты. Лейтенант Бруно Миллер зажег деревню и его пьяные озверевшие солдаты насиловали жителей и наводили панику, уничтожая всюду революционную свободу.

Лейтенант торжествовал. Окружив богатый фольварк и разгромив усадьбу, он наткнулся на отчаянное сопротивление: не более двух десятков революционеров яростно защищались против целой роты и почти все были перебиты. Предводитель их был схвачен. Раненый в левую руку, гигантского роста, с глазами орла, бледный, но уверенный в себе он стоял перед лейтенантом. Двадцать немецких солдат окружали его.

—„Твое имя"?—спросил лейтенант, располагаясь в зале помещичьего дома перед широким круглым столом и вынимая бумаги.

Пленник молчал.

Вдруг в зале произошло движение.

Маленький человечек с физиономией под'ячего с козлиной бородкой уставился тусклыми глазами на пленника и закричал:

— „Ваше благородие... Я знаю его: это он!.. Он—Красная Рука!"

Лейтенант вздрогнул... Офицеры прискочили и разом заговорили по немецки...

Красная Рука—вождь революционного пролетариата, бич помещиков и кулаков всего округа. Гроза богачей и герой бедняков—он был неуловим для своих врагов... С его именем вязались легенды. Лейтенант торжествовал... Тут же составился военно-полевой суд. Помещики, бывший земский начальник, чиновники старались запечатлеть лицо своего врага... Злорадные усмешки, возгласы, требования немедленной расправы слились в общий гул.

—Заседание суда открыто,—провозгласил лейтенант Миллер, принимая на себя обязанности председателя... Судьи—офицеры разместились кругом.

Составление обвинительного акта было излишне. Красная Рука был всем слишком известен и суд превращался в комедию. Приговор был вынесен заранее на сухих бритых лицах судей, на холодных глазах, злорадно глядевших из-под пенснэ...

Через несколько минут был вынесен приговор: смертная казнь через повешение.

После похорон Красноармейцев, убитых польскими легионерами на ст. Довск, Могилевск. губ. (1918 г.)

В зале стало тихо.

Раздались одиночные восклицания: „А, попался Теперь не уйдешь! Скорей повесить его“.

Длинный, как хлыст, сухой помещик подбежал к председателю и закрычал, перемешивая польские слова с немецкими:

— Ваше благородие, прикажите его вешать сейчас-же: Это такой негодяй... Он убежит, если вы отложите до завтра... и тогда мы пропали...

— Гм!—сказал лейтенант,—будьте покойны: раз он попал в руки его величества императора германского—он не уйдет...

— Нет, нет, сейчас же, здесь!?—И тридцать человек сытых, довольных, злобно тараща глаза, обступили судейский стол, требуя немедленной казни.

Лейтенант пошептался с судьями и произнес:

— Приговор будет приведен в исполнение сейчас... Снять эту люстру!...

С злорадным шумом и аплодисментами все бросились к столу, помогая солдатам привязать веревку... Эти люди в форменных мундирах хохотали и потирали руки, предвкушая занятное зрелище.

Подбежали к осужденным с платком, чтобы завязать глаза... Но Красная Рука показал жестом, что это лишнее...

— Я желаю—сказал он—умереть с открытыми глазами! Развяжите мне руки... Я хочу говорить.

Между тем солдаты с помощью публики воздвигли импровизированный эшафот, поставив на стол табурет... Помогли осужденному подняться. Кругом сверкали плоские штыки винтовок.

—Говорите,—сказал важно председатель,—даю вам пять минут!

Красная Рука выпрямился, и придерживая левую перевязанную руку, посмотрел с вершины своего эшафота на судей и публику.

Губы его нервно вздрагивали. У виска дрожала вздувшаяся вена...

— Слушайте, господа судьи!—начал он:—Вы судьи—слуги державного кайзера, вы, ясновельможные паны и вы, господа—капиталисты и чиновники моего милого отечества... вы собрались посмотреть, как я буду умирать... Смотрите... Короткий был суд над мной. Еще короче был обвинительный акт. А жаль... поторопились.

Он поправил свои беспокойные кудри и прикрыв ладонью глаза, продолжал:

— Да, жалею что вы и десятой доли не расскажете того, что я сделал... Помните ли вы, когда жандармы схватили меня в соседнем городишке, заперли меня в одиночную камеру и приставили часового, а я схватил часового, связал его, снял его платье и сам оделся часовым, а его с заткнутым ртом положил на койку... Сам же взял его винтовку и стоял на посту, пока разводящий не пришел меня сменить и новый часовой продолжал сторожить связанного товарища... Но это все пустяки... Мало времени мне дал господин лейтенант... Некогда рассказать многого... Позвольте же проститься с вами... Э, да я вижу старых знакомых. Вот ты, ясновельможный пан, который засекал крестьян и драл с них шкуру за долги, да еще шкуру за проценты, а я со своими молодцами усадьбу его спалил вместе с конторой и книгами, в которых записаны были долги бедняков... Правда, вместе с усадьбой сгорели урядник и становой, и еще кое-что и обгорели усы у ясновельможного пана...

— На веревку его—он глумится над нами!—раздались голоса.

— Успеете!—спокойно сказал Красная Рука.— Слушайте дальше: и тебя узнаю, ваше благородие, господин прокурор, даже давно тебя знаю: с 905, когда ты каждый день росчерком пера посылал на виселицу лучшую честную молодежь и за это получал от царя и министров награды!.. А вы, господа помещики, набившие амбары мужицким добром, упитанные их трудами из рода-в род питавшиеся живой человеческой кровью. Ну, а вы, господин лейтенант, верный царский слуга, пособник и помощник мирового разгрома, должен же я с тобой попрощаться!

— Скорей, скорей! На веревку его!—волновались кругом.

— Сейчас, я кончаю!—сказал Красная Рука, выпрямляясь во весь рост и сверкая глазами.

— Неужели вы думаете, что я сейчас умру? Не верится... Ведь достаточно хорошей бомбы вашего, господа империалисты, изобретения... Да... Достаточно одной бомбы, чтобы от ваших глупых голов остались одни черепки, а от этой залы, этих колонн и царских портретов—одни обломки!.. Неужели, вы думаете, что ее у меня нет?

Ропот ужаса пробежал в публике.

Глаза всех впились в осужденного.

Красная Рука быстро сбросил с левой руки повязку... И страшный металлический снаряд, продолговатой формы очутился в его правой руке.

Это была бомба и офицеры сразу определили ее огромную разрушительную силу.

Поднялся переполох... Часть публики бросилась на пол. Лейтенант и судьи застыли на месте... Бросились к дверям и завязли в них топча и кусая друг друга.

— Стойте! Ни с места!—раздался вдруг голос Красной Руки...— Солдаты, смирно! Если кто шевелится—бомба будет брошена!

Затем он спокойно слез с табурета, подошел к окну, положил на под'оконник бомбу и раскрыв раму сказал:

— Теперь уходите поодиночке... Бомба разорвется через пять минуть... До свидания!..

Потом осторожно соскользнул в сад и скрылся в густой листве среди ночного мрака...

* * *

Когда офицеры пробрались к окну и осторожно взяли снаряд, чтобы разрядить его—его разряжать не приходилось: он был пустой и даже не имел капсюля...

Это была новая шутка Красной Руки...

Г. Аркадьев.

* * *

Я хочу, чтобы песни любви
И глубокой народной печали
В эти новые, светлые дни
Над землею воскресшей звучали.

* * *

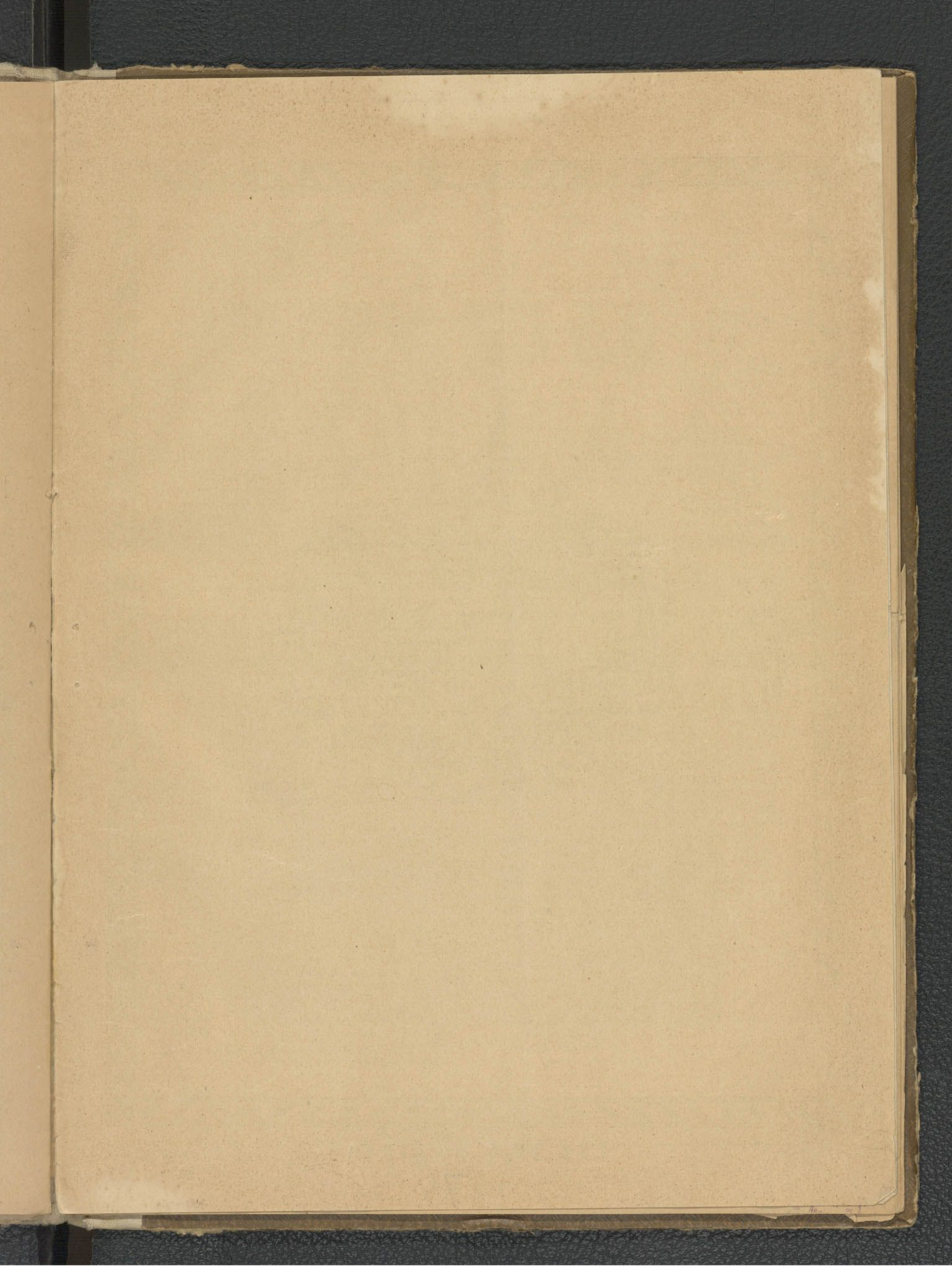
Чтобы звали, будили они
Новых, юных творцов из народа
В мир, где правды и знанья огни—
Дивный факел взметнула свобода.

* * *

Чтобы мощный, бушующий вал
Новых сил, новых дум и исканий
Все преграды навеки прорвал,
Вырываясь на путь созиданий.

Антон Матвеенко.

Завед. редакцией А. И. Гзовский.

ЦЕНА 2 РУБ.